

© 1996 г. А.И. ДОМАШНЕВ

НЕМЕЦКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ НА НЕВЕ

(Из истории развития "островной" диалектологии)*

В германистике под языковым островом (*Sprachinsel*) понимается маргинальная область распространения языка, отделенная от основной области своего распространения политической границей и находящаяся в пределах территории иноязычного большинства. Австрийский германист П. Визингер по этому поводу писал: "Под языковыми островами понимают точечно или ареально встречающиеся относительно небольшие замкнутые языковые поселенческие общности в иноязычных сравнительно больших областях" [Wiesinger 1983].

Известно, что языковой остров понимается не только с точки зрения языка, но и как "совокупное название для всех жизненных проявлений заключенной в языковом острове общности людей" [Hutterer 1982]. В этом смысле Г. Протце интерпретирует языковые острова в качестве отделенных от собственного "связного языкового сообщества" другими языками и культурами маргиналий, ведущих (в языковом и часто также в культурном отношении) "интересную самостоятельную жизнь", обнаруживающую чаще всего лишь незначительные связи как со своей метрополией, так и с государственным образованием своего окружения [Protze 1969].

Характерной чертой любого языкового острова является так называемое перекрытие (*Überdachung*) его языком окружающего языкового большинства в силу его преобладающей практической роли и социальной престижности в обществе, что со временем приводит к усилению влияния на данный языковой остров как языка, так и культуры его иноязычного и инонационального окружения. Высокий социальный статус языка окружающего "большинства" с неизбежностью приводит к тому, что носители островного диалекта овладевают языком окружения, тогда как связи со своим этническим литературным языком нередко ослабевают. Таким образом, в языковом отношении развитие идет от этно-национальной диглоссии (диалект/литературный язык) к различным вариантам билингвизма (диалект/литературный язык + иноязычный литературный язык, или: диалект + иноязычный литературный язык).

В отличие от так называемых старых или средневековых немецких языковых островов, возникших в юго-восточной части Средней Европы и в Юго-Восточной Европе в XII—XIV вв. в результате немецкой феодальной экспансии, немецкоязычные острова (немецкие поселения) в России складывались во второй половине XVIII в. в результате экономической иммиграции. Характерным языковым отличием этих типов островов друг от друга является тот факт, что средневековые острова формировались на чисто диалектной основе, тогда как население новых языковых островов, как правило, владело, помимо родного диалекта, и литературным немецким языком, который, независимо от возрастания социальной роли литературного языка окружения, долгие годы сохранял свой престиж и коммуникативные функции (язык общения, печати и т.д.). Так, говоря о жизни немецких поселенцев—меннонитов [как известно,

* Статья подготовлена к опубликованию в рамках исследовательского проекта, получившего на конкурсной основе поддержку Международного научного фонда (1.VIII. 1994 – 1.VIII. 1995).

носителей нижненемецких диалектов на Украине — (колония Хортица и по р. Молочная)], В. Петерс отмечает, что, как и в Поволжье, здесь в каждой деревне имелась своя школа, преподавание учебных предметов проводилось до конца XIX в. исключительно на немецком языке, а затем в качестве второго языка был введен и русский язык. Более крупные населенные пункты имели центральные раздельные гимназии для мальчиков и девочек. Была организована подготовка учителей начальных классов, появились коммерческие школы для подготовки торговых работников и специалистов по иностранным языкам. Наиболее способные учащиеся поступали, как пишет автор, в университеты Киева, Москвы и Петербурга, другие уезжали учиться в Германию или Швейцарию [Peters 1992].

История немецких переселенцев в старой России и на территории теперь уже бывшего Советского Союза охватывает период в более чем два столетия. Первая наиболее крупная волна этих переселений приходится на период царствования Екатерины II. Уже в период между 1764—1774 гг., т.е. в течение первых десяти лет с тех пор, как российское правительство обратилось к крестьянам и ремесленникам европейских государств с призывом переселиться в Россию для освоения земельных пространств в Поволжье, в Приднепровье и на Причерноморском побережье, в районе среднего течения Волги возникли первые 106 немецких деревень (около 8.000 семей, 27.000 человек). Эти крупные партии переселенцев прибыли в Россию морским путем через Любек и Росток в Санкт-Петербург, откуда большая часть из них была направлена в Поволжье, в районе Саратова. В это время были образованы и первые немецкие колонии в районе самой российской столицы ("Newa-Deutsche"), давшие импульс к расселению немцев в других регионах столичной губернии, а также в Воронежской и Черниговской губерниях, на Волыни и в Причерноморье.

Вторая волна немецких переселенцев приходится на начало XIX в., период царствования Александра I, и продолжалась местами еще во второй половине столетия. В 1809 г. в район Санкт-Петербурга прибыли партии переселенцев из немецких колоний в Польше, но основными районами расселения в этот период становятся Бессарабия, Таврия, Крым, Волынь, Кавказ, куда переселенцы попадали южным путем: через Ульм на Дунае, а далее — через Баварию и Австрию по Дунаю — в Галицию. Позднее, после присоединения Бессарабии к России, потоки переселенцев направились по Дунаю до Измаила, затем — через Бессарабию в Одессу, ставшую важнейшим пунктом сбора колонистов, направлявшихся оттуда в предназначенные для них края в южной части России в соответствии с царским рескриптом 1804 г.

Численность немцев в России возросла в течение первого столетия настолько, что в поисках новых земельных пространств они образовывали на соседних землях так называемые "выселки" (В.М. Жирмунский), или дочерние колонии, а также стали расселяться на востоке России, в связи с чем подобные отпочкования от "поселений-метрополий" (В.М. Жирмунский) перешагнули за европейскую часть территории российского государства.

Согласно различным источникам, в России накануне первой Мировой войны насчитывалось свыше 2 тысяч немецких деревень с общим числом населения около 1 млн. 600 тысяч человек, из них в Поволжье, в пределах относительно компактной территории, имелось около 200 деревень и поселений (554.828 жителей), в Причерноморье — около 1000 деревень (524.321 житель), на Волыни — 550 деревень (300.000 жителей), в окрестностях Петербурга и в других районах губернии — 34 деревни (100.000 жителей), в Закавказье — 20 деревень (15.000 жителей), на Урале, в Западной Сибири, Туркестане — 300 деревень (105.000 жителей) [Schirmunski 1928]. Немецкие колонисты в Поволжье, среди которых были распространены, главным образом, средненемецкие говоры, составляли по своей численности наиболее крупную этническую группу (свыше 1/3 всех немцев в России) и образовали уже в послеоктябрьский период (в 1924 г.) свою автономную республику (АССР Немцев Поволжья) в составе Российской Федерации, сложившуюся на основе Трудовой Коммуны, т.е. Автономной области Немцев Поволжья, существовавшей с осени

1918 г. В связи с принудительным административным переселением этнических немцев из европейской части страны после нападения фашистской Германии на СССР в 1941 г. перестала существовать и Республика Немцев Поволжья, так и не восстановленная до сих пор, как не были восстановлены немецкие поселения на Украине, под Петербургом и в других районах европейской территории России.

С послевоенного времени основными районами расселения немцев в стране являлись Казахстан (здесь проживало около 50% всех немцев), РСФСР, Киргизия, Таджикистан. Данные переписи населения 1989 г., согласно которым в СССР проживало более 2 млн. немцев, должны быть заметно откорректированы, т.к. именно в этот период, в условиях неблагоприятной общественно-политической и социально-экономической ситуации и начинавшегося распада СССР, имевшая ранее место индивидуальная реэмиграция немцев в Германию приобрела практически массовый характер (в 1989 г. из СССР выехали примерно 100 тысяч этнических немцев, в 1990 г. — 120 тысяч, в 1991 г. — около 150 тысяч). Сохранение сложившейся тенденций может привести к дальнейшему разрушению имеющихся еще районов проживания разрозненных и относительно компактных групп этнических немцев, к окончательной утрате ими своей национально-этнической идентичности и родного языка, а в конечном счете — к прекращению многовековой исторической традиции проживания этнических немцев на территории бывшего СССР. Подобное развитие может иметь заметные негативные последствия для исторически сложившейся национально-этнической структуры многонационального государства, поскольку, как известно, в нашей стране группа этнических немцев по своей численности занимала 14-е место и превосходила такие коренные национально-этнические общности, как киргизы, чуваши, башкиры, мордва и др.

К регионам, в которых, как подчеркивалось выше, была прервана традиция проживания этнических немцев, относится район вокруг бывшей российской столицы Санкт-Петербурга, где возникли поселения немцев, получившие название "невских" ("Newa-Deutsche").

Первые колонии на Неве возникли по распоряжению Екатерины II в период 1765—1766 гг.: Новая Саратовка, Средняя Рогатка и Колпино (Ижора). В этот же период в районе Ямбурга (ныне Кингисепп), близ Эстонии, появились три немецкие колонии — Луцк, Порхов и Франкфурт, население которых, в своем большинстве, в 1793 г. переехало на Украину, где они образовали колонию Ямбург на Днепре, ниже Днепропетровска (Екатеринослав), а прежние ямбургские колонии были заселены выходцами из материнских колоний ("поселений-метрополий", по В.М. Жирмунскому) близ Петербурга. Дочерняя колония этих новых ямбургских колонистов возникла в 1848 г. и на Украине, под Мариуполем, на Азовском море — поселок Ней-Ямбург.

В 1809 г., в период второй волны переселения немцев в Россию, колонии под Петербургом формировались за счет переселенцев из Польши. Они возникали, главным образом, в виде разрозненных поселков в несколько дворов на южном побережье Финского залива, в направлении на Ораниенбаум. Примерно в это же время сформировалась относительно крупная колония Извар, которая, правда, уже в 1811 г. распалась, а ее население распределилось между двумя новыми колониями — Стрельной и Кипеню. По мере роста населения этих новых колоний здесь в 30-е гг. XIX в. возникли небольшие дочерние колонии, или "выселки" (В.М. Жирмунский), состоявшие обычно из нескольких дворов. В других районах вокруг Петербурга возникли также отдельные "выселки" из старых колоний: Овцыно, Ново-Александровка, Гражданка. Всего таких поселений, включая и мелкие поселки, в регионе вокруг Петербурга насчитывалось 34, и они в той или иной форме сохранялись до 1941 года [Naiditsch 1994: 32].

Отдельным вопросом наличия немцев в демографической структуре этого региона является немецкоязычное население в самом Петербурге, которое формировалось не столько благодаря втягиванию немецких поселений в состав города или пополнению за

счет выходцев из ближайших немецких колоний, сколько благодаря прибытию в столицу немцев из Германии или из прибалтийских земель. Согласно данным переписи населения 1910 г., немцы в структуре населения Петербурга занимали 4-е место: русские — 1,568 тыс. (82,3%), белорусы — 70 тыс. (3,7%), поляки — 65 тыс. (3,4%), немцы — 47,4 тыс. (2,4%), за которыми с большим отрывом следуют эстонцы — 23,4 тыс. (1,2%), латыши — 18,5 тыс. (1%), финны — 18 тыс. (0,9%) [Юхнеева 1984]. Однако для целей нашего исследования этот национально-демографический факт не имеет самостоятельного значения и не учитывается, т.к. петербургские немцы не могли составлять замкнутой этнической колонии в собственном смысле этого слова и пользовались в процессе общения преимущественно русским языком. Во всяком случае, социальные и ситуативно-коммуникативные условия в крупном городе всегда отличаются от условий и форм языкового общения внутри более или менее однородной малой (сельской) общности людей, а потому и языковые регистры таких ареалов (город, село) всегда различаются.

Серьезное изучение языка немецких колонистов в России начинается во второй половине XIX в., приурочено через 80 лет после первой волны их переселения. В 1854 г. И.М. Фирменхус опубликовал в Берлине в 3-м томе своей серии "Germaniens Völkerstimmen" собранные В. Бауманом тексты, характерные для диалектов немецких поселенцев, проживавших по берегам р. Молочной в Таврической губернии Южной России. В кратком вступлении к собранию текстов автор подчеркивал, что р. Молочная разделяла этот немецкоязычный район на две части: носители верхненемецких диалектов проживали на правом берегу реки, а меннониты (носители нижненемецких диалектов) располагались на левом берегу реки Молочная. При этом подчеркивалось, что правобережные колонисты, говорившие на верхненемецких диалектах, были выходцами из различных регионов Германии: Бадена, Вюртемберга, Восточной и Западной Пруссии, Эльзаса, Мекленбурга и др., что определяло необходимость известного языкового выравнивания и смешения. Отмечалось также, что и среди меннонитов, проживавших на левом берегу реки, многие говорили на различных заметно отличающихся друг от друга нижненемецких диалектах: фризско-фламандский, грёнинг-гольштейнский и др. [Berend, Jedig 1991].

В 1858 г. в саратовских губернских ведомостях (№ 18, с. 86—87, № 19, с. 94—95) Д. Мордовцев поместил материалы, посвященные задачам изучения истории немецких поселений на Волге, вопросам этнографии и языка. И хотя на это обращение откликнулись отдельные авторы статей по истории и этнографии немецких колоний, языковые отношения в них стали изучаться лишь через несколько десятилетий после этих призывов, в первые десятилетия XX в.

Из архивных материалов и различных справочных свидетельств известно, что профессор Марбургского университета Ф. Вреде, руководивший в то время работой над немецким атласом, обратился к германистам Саратовского университета с просьбой распространить среди колонистов анкеты со ставшими позднее знаменитыми в немецкой диалектологии 40 предложениями Венкера, которые надлежало заполнить в изложении средствами местного немецкого диалекта. Преподаватель Саратовского университета А. Лонзингер и учитель из с. Ягодная Поляна (в Поволжье) Й. Кромм разослали в 1913 г. анкеты с этими предложениями в школы немецких поселений на Волге, на Украине, на Кавказе, в Крыму и на Урале. Однако начавшаяся первая мировая война помешала реализации этого исследовательского начинания. В одной из своих публикаций Г. Дингес, ставший в 20-е годы первым крупнейшим германистом из числа российских немцев, в 1925 году вспоминал, что в период с 1913 по 1914 гг. на имя Лонзингера и Кромма поступили ответы из 87 немецких поселений [Дингес 1925]. Стало известно, что поступившие анкеты были отправлены ими в адрес Марбургского университета, а в архиве Дингеса — Дульзона в филиале Саратовского областного архива в г. Энгельсе сохранились копии этих материалов, переданных в 1922 г. И. Кроммом Г. Дингесу, образовавшему к этому времени Саратовский центр по изучению немецких диалектов [Berend, Jedig: 22—23].

По существу первая научная публикация о немецких диалектах в России принадлежит перу профессора Грейфсвальдского университета В. фон Унверта. В период первой мировой войны в германских лагерях для военнопленных оказались российские пленные из числа этнических немцев-россиян. Они находились в специальном лагере в г. Хольтхаузен (Вестфалия). Унверт получил в период между мартом и июнем 1917 г. возможность заполнить там анкеты с упомянутыми 40 предложениями Венкера, что позволило ему собрать данные о различных немецких диалектах России, т.к. среди пленных российских немцев были выходцы из немецких колоний на Украине и, в особенности, из Поволжья. Собранный Унвертом языковой материал позволил ему разработать первую схему классификации немецких диалектов в России, а также провести их идентификацию, определить их историческое происхождение на географической карте Германии. Правда, эта попытка не была полностью успешной, т.к. за 100—150 лет своего бытования в России немецкие диалекты претерпели заметные изменения и стали иметь в определенной мере смешанный характер, в особенности, когда речь шла об этнических российских немцах, выходцах из так называемых дочерних колоний, представлявших собой, как правило, смешанные коллективы, собранные из выходцев различных (и по диалектам) материнских колоний. Результаты своих полевых исследований Унверт опубликовал в трудах Прусской академии наук в 1918 году [Unwerth 1919]. В это же время Кро и Митцка предприняли попытку сделать лингвистические записи в лагере для военно-пленных в Ветцларе и под Марбургом, где находились пленные этнические немцы — носители нижненемецких диалектов. Эти материалы не были опубликованы, но в 1928 г. в Мюнхене вышла в свет книга Я. Квиринга, в которой при описании истории переселения меннонитов в Россию были использованы и упомянутые языковые материалы, свидетельствующие о характере фонетического и грамматического строя диалекта колонии Хортица на Юге России. В заключительной главе своей книги Квиринг исследует результаты лексического влияния на диалект со стороны славянских языков (русского, украинского, польского) и составляет тематические списки заимствованных слов [Quiring 1928].

В России широкое исследование немецких диалектов приходится на период после Октября 1917 г. В начале 20-х гг. в Саратове под руководством Г. Дингеса, в Ленинграде — под руководством В.М. Жирмунского и в Одессе, главным образом, благодаря деятельности А. Штрема, ученика и помощника В.М. Жирмунского, переехавшего по его совету на Украину, были созданы диалектологические группы, ставшие центрами по исследованию немецких диалектов в нашей стране. Особая заслуга в этом отношении принадлежит Г. Дингесу, роль которого высоко ценил В.М. Жирмунский [Жирмунский 1929]. Их знакомство состоялось в Саратовском университете, где Г. Дингес стал преподавать с конца 1918 г. на кафедре романо-германской филологии, которой руководил в ту пору В.М. Жирмунский. Общий интерес к немецким диалектам Поволжья (В.М. Жирмунский в тот период проводил записи диалекта села Гуссенбах) сблизил их, и установившиеся дружеские отношения сохранялись и после возвращения В.М. Жирмунского в Петроград, где он к своим обширным научным интересам в области филологии прибавил занятия немецкими диалектами в нашей стране, начав с наблюдений над языком немецких поселенцев под Петроградом.

Приступив к описанию немецких диалектов Поволжья, Г. Дингес понимал, что их классификация может быть успешной, если привлечь для сравнения данные диалектов из мест их происхождения в Германии. В этих целях он в 1924 г. выехал на два месяца в научную командировку в Марбург, где он познакомился и лично с Ф. Вреде, который, как отмечалось, еще в довоенное время (1913 г.) присыпал диалектологические анкеты ("предложения Венкера") в Саратов, где ныне работал Г. Дингес. В то время власти всячески поддерживали установление научных контактов с зарубежными научными центрами. В период 20-х — начала 30-х гг. Г. Дингес опубликовал целую серию работ на русском и немецком языках в СССР и в Германии, в центре внимания

которых были диалекты немцев Поволжья [Berend, Jedig: 28—71]. С самого начала в работе группы Дингеса принимал активное участие А. Дульзон (Andreas Dulson), который после ареста Дингеса в январе 1930 г. продолжил его работу и взял на себя ответственность за сохранение архива Г. Дингеса. В период 20-х — 30-х гг. Дульзон опубликовал большое количество научных статей, написал кандидатскую и докторскую диссертации, посвященные немецким диалектам Поволжья (последняя публикация относится к 1941 году), но после войны навсегда оставил свои занятия немецкой диалектологией и целиком посвятил себя изучению неизвестных еще науке языков малых народов Сибири (кетский язык), хотя и продолжал оказывать научную помощь своим ученикам, которые на его кафедре в Томске, где он оказался в период войны, в послевоенные годы возобновили исследования немецких диалектов, расположенных в Сибири и на Алтае. Большой вклад в изучение языка немцев Поволжья внес также Ф. Шиллер, который написал интересный труд о социологических процессах в развитии лексики немецких диалектов Поволжья, но был арестован в 1938 г., просидел в лагерях до 1947 г. и умер в 1955 г. от туберкулеза в Красноярской области.

Диалектологический центр в Ленинграде, созданный В.М. Жирмунским, начал свою исследовательскую работу с изучения немецких диалектов на Неве. Как об этом он писал позднее [Schirmunski 1929 : 7], для этих штудий он привлек своего ученика и помощника А. Штрема еще в 1921 г., который, будучи выходцем из балтийских немцев, увлекся этой работой настолько, что через 3 года представил целый труд, в котором описал строй немецких диалектов данного региона, взяв за основу диалекты трех материнских колоний под Ленинградом. С 1925 г. В.М. Жирмунский приступил к обследованию диалектов Южной Украины, Крыма, Закавказья, имея в виду, что Г. Дингес руководил подобной работой в Поволжье. В экспедициях на Украину в этот период (1927—1929 гг.) принимали участие, помимо упоминавшегося А. Штрема, Э. Иогансон, Т.В. Сокольская, Л.Р. Зиндер, В.П. Погорельская, а в 30-е гг. к исследованию немецких диалектов подключился Н.Н. Берников, написавший в 1939 г. кандидатскую диссертацию об изменениях в лексике диалектов немцев Поволжья, что перекликается с проблематикой работ под руководством Г. Дингеса в Саратове в 20-е гг., а также С.А. Миронов, изучавший диалекты немцев Закавказья, хотя сам В.М. Жирмунский в этот период по известным политическим причинам вынужден был прекратить свои занятия изучением языка немецких поселений в СССР, целиком перейдя к исследованию проблем общей диалектологии, теории языкоznания и литературоведения.

Одесский диалектологический центр был создан в 1926 г. и работал в рамках немецкой секции по инициативе местной Комиссии по страноведению при Академии наук Украины. С самого начала В.М. Жирмунский установил тесный научный контакт с этой группой, которой рекомендовал пригласить для работы из Ленинграда своего ученика А. Штрема, получившего между тем достаточную научную подготовку. Переехав на Украину, А. Штрем уже в 1926 г. побывал в колониях на р. Молочная, где сделал необходимые языковые записи, а в 1927 г. в этих же целях он ездил в селения под Мариуполем, где проживали колонисты, приехавшие в свое время из поселений под Петербургом, язык которых он изучал в невских колониях. В 1928 г. он совершил вместе с В.М. Жирмунским поездку в немецкие поселения на Кавказе, язык которых в то время никем практически еще не изучался. Одновременно он также изучал язык немецких поселенцев в районе Запорожья.

Подготовленная А. Штремом к 1936 г. кандидатская диссертация о немецких диалектах Украины так и не была защищена, т.к. примерно в это время он был арестован и все подготовленные им материалы и собранные диалектологические записи с тех пор исчезли бесследно [Berend, Jedig, 1991 : 165—166].

В послевоенное время, с конца 50-х гг., постепенно стали возрождаться исследования немецких диалектов в их новых условиях бытования, когда все они практически оказались в азиатской части России, в Казахстане и в республиках Средней Азии. Одним из первых центров стал Томский пединститут, где работал проф.

А. Дульзон. Именно он поручил своим аспирантам (А.И. Кузьмина, Г. Едиг, И.Я. Андреев) приступить к описанию немецких диалектов, сложившихся в XX в. в Западной Сибири и на Алтае. В частности, были исследованы диалекты 48 деревень под Славгородом (Алтай), поскольку здесь встречались как нижне-, так и средненемецкие говоры. Однако основная исследовательская работа стала складываться лишь в 60-е гг. в Омске, где работал в этот период Г. Едиг. Именно с этого времени можно говорить о восстановлении у нас традиции изучения диалектов немцев нашей страны. Под его руководством были разработаны и успешно защищены 12 кандидатских диссертаций, в которых исследуются лексические, семантические, фонетические, морфологические и синтаксические черты современных немецких диалектов Сибири, Алтая, Казахстана и других регионов страны. В конце 80-х гг. эта проблема была восстановлена в рамках научных программ в Ленинградском отделении Института языкоznания АН СССР (ныне — Институт лингвистических исследований РАН), где состоялась научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения В.М. Жирмунского, в рамках которой работала научная секция, посвященная исследованию немецких диалектов в нашей стране. Необходимость возрождения этого исследовательского направления в немецкой диалектологии стала особенно актуальной в настоящее время, т.к. после переезда Г. Едига на постоянное жительство в Германию, где он вскоре и умер, в 1991 г., распалась и Омская диалектологическая школа. С этого времени, с конца 80-х — начала 90-х гг., "островная" немецкая диалектология в нашей стране возрождается вновь в Санкт-Петербурге на основе новой реальности, резко изменившей судьбу и ход развития всего нашего отечества.

Говоря об изучении диалектов немецких поселенцев на Неве, еще раз напомним, что эта работа была начата по инициативе В.М. Жирмунского в Петрограде его учеником А. Штремом, которого он пригласил с собой, когда в 1921 г. впервые отправился в немецкие поселения на Неве, расположенные у самой городской черты. Упоминание об этом он делает позднее, когда в 1926 г. выступает в Одессе с научным докладом [Berend, Jedig : 114]. Об этом он говорит в своем отчете о научно-исследовательской работе за 1924—1925 учебный год и в связи со своей поездкой в Германию, в котором, в частности, отмечает, что в этот период его ученик А. Штрем завершил описание немецких диалектов трех местных материнских колоний [Жирмунский, рукопись]. В течение целых трех лет после этого посещения А. Штрем работал над изучением всех немецких диалектов, распространенных в 31 деревне этого района. На первых порах предстояло исследовать вопрос о том, в какой степени различаются между собой эти диалекты, а далее следовало изложить средствами данного диалекта все сорок предложений Венкера. За этот период А. Штрем с помощью местных жителей-немцев осуществил перевод упомянутых предложений в диалектную "ипостась", собрал большое количество лексического материала и речевых оборотов, записал тексты и народные песни, известные в этих деревнях. На основе собранного фактического языкового материала ему удалось установить, что отдельные деревенские диалекты не содержали заметных отличий друг от друга, что позволило ему сконцентрировать свое внимание на анализе языка трех старейших материнских колоний ("поселений-метрополий" — В.М. Жирмунский) — Новая Саратовка (или 60-я колония), Средняя Рогатка (или 22-я колония) и Колпино/Ижора (28-я колония). За основу описания А. Штрем взял диалект Новой Саратовки, однако он учитывал отдельные отклонения от этого диалекта в других деревнях (Средняя Рогатка и Колпино). В 1926 г. этот труд А. Штрема был опубликован в немецком журнале "Teuthonista", в котором основное внимание было сосредоточено на звуковом и морфологическом составе немецких диалектов на Неве, однако во вступительной части работы нашел отражение и материал языкового изложения данных анкет Венкера [Ström 1926—1927]. В поле зрения А. Штрема попали и другие диалекты немцев ленинградской области, которые были удачно интерпретированы В.М. Жирмунским в его общей теоретической работе, посвященной переселенческой ("колониальной") диалектологии [Жирмунский 1929]. Так, исследуя диалект ямбургских

поселений, А. Штрем обнаружил семью, старшие представители которой сохранили верхнегессенский говор, утраченный большинством их односельчан, а господствовавший к тому времени в ямбургских поселениях восточнофальцкий говор совпадал по основным своим признакам со средненемецкими говорами других поселений данной области. Он, как подчеркивал В.М. Жирмунский, резко отличался от старого говора данной местности. Все эти неизбежные в процессе флюктуации немецких переселенцев выравнивания и смешения диалектов находят убедительные подтверждения на примере судьбы упомянутых ямбургских говоров, история которых в России могла быть наглядно показана на протяжении более чем 160 лет их российского бытования. Так, большая часть жителей ямбургского поселения, основанного при Екатерине II в 1765 г., недовольная условиями жизни, в 1793 г. переселилась на Украину, основав там поселок Ямбург на Днепре (около Екатеринослава). На месте ушедших водворились выходцы из других поселений покинутого района, которые, в свою очередь, через 50 лет с небольшим, в 1849 г., на этот раз из-за недостатка земельных угодий, переселились вновь на Юг, под Мариуполь, что на Азовском море, основав там поселок Ней-Ямбург. А. Штрем побывал в 1927 г. в 27 новых ямбургских колониях, что позволило ему собрать языковой материал, отражающий состояние этих трансплантированных в середине XIX в. из ямбургских колоний под Петербургом диалектов. Таким образом, благодаря происходившему в разное время обосoblению переселенцев от материнской колонии оказались засвидетельствованными три последовательные ступени развития ямбургских говоров в изменяющихся условиях и традициях их бытования. Следует в заключение подчеркнуть, что в целом пионерские исследования А. Штрема оказались уникальным научным трудом. Опубликованная в известном германском филологическом журнале, эта работа стала практически единственным документальным свидетельством состояния диалектов невских немцев, поскольку аналогичными публикациями, относящимися к этому периоду, мы более не располагаем.

Однако вся эта чрезвычайно важная для целей немецкой диалектологии исследовательская работа, начатая в Ленинграде под руководством В.М. Жирмунского, в 30-е гг. была фактически прервана, поскольку стала рассматриваться властями как враждебная деятельность: в самом начале 1930 г. в Саратове был арестован Г. Дингес, который после двух лет, проведенных в стенах печально известной московской Бутырки, был сослан в сибирскую ссылку, где и умер в результате болезни в 1932 г. На протяжении 30-х гг. и в начале 40-х гг. В.М. Жирмунский неоднократно подвергался аресту в Ленинграде, в 1938 г. в Москве был арестован и сослан в лагерь на Колыму известный филолог Ф. Шиллер, а на Украине примерно в это же время был арестован и А. Штрем, о трагической судьбе которого почти ничего не известно. Фактически было разрушено целое направление в отечественной германистике, получившей с того времени широкое признание в мировой науке. И хотя отдельные германисты (А. Дульзон, С.А. Миронов) в 30-е гг. еще смогли подготовить свои кандидатские и докторские диссертации, а также опубликовать еще в 1941 г. последние статьи, посвященные описанию поселенческих немецких говоров в СССР, они уже выступали как отдельные авторы, а не как представители своих лингвистических школ. Что касается носителей немецких диалектов на Неве, ставших объектом научного интереса германистов, то в начале войны они были депортированы, как и все остальные немцы европейских регионов СССР, в отдаленные районы за Урал, в Сибирь, Казахстан и в республики Средней Азии.

Занимаясь проблемой невских немцев в настоящее время, Л.Э. Найдич смогла установить, что лишь некоторым из них в разное время различными путями удавалось возвратиться в эти места, однако, как правило, они не имели возможности поселиться в их прежних колониях и ныне проживают разрозненно в городе или его окрестностях. Представители старшего поколения еще обнаруживают знание родного диалекта, который они используют во внутрисемейном общении, другие же пользуются только русским языком [Naiditsch 1994]. Некоторые этнические немцы, проживающие в

Петербурге, могут не всегда достаточно умело и уверенно пользоваться литературным немецким языком, но совершенно не знают диалекта. Впрочем, часть таких немцев, очевидно, относилась ранее к городским жителям и не имели отношения к диалектным поселениям вокруг города.

В самое последнее время, в особенности в связи с настойчивым желанием многих этнических немцев выехать из азиатских республик и Казахстана в европейскую часть России и на Украину (поскольку они неожиданно оказались отрезанными новыми политическими границами от Европы и от России, куда их далекие предки в свое время и переселялись), стал наблюдаться приток новых переселенцев в различные районы ленинградской области, что вселяет некоторую надежду на постепенное возрождение немецких поселений не только на Волге, где это происходит еще также крайне медленно и не без различных организационных трудностей, но и на Неве, и, вопреки прогнозам, согласно которым в ближайшие годы число возвращенцев на историческую родину, в Германию, еще более возрастет [Rosenberg, Weydt 1992 : 217], не прервется историческая традиция бытования немцев в России, куда их далекие предки приехали в поисках лучшей доли. За столетия жизни в нашей стране немецкие поселенцы проявили себя хорошими земледельцами и ремесленниками, квалифицированными специалистами во всех областях жизни общества, внесли свой вклад в развитие России, ставшей для них, глядя на вещи исторически, второй родиной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дингес Г. 1925 — К изучению говоров Поволжских немцев (Результаты, задачи, методы) // Уч. зап. Саратовского Гос. ун-та. Т. IV, вып. 3. Саратов, 1925.

Жирмунский В.М. 1929 — Проблемы колониальной диалектологии // Язык и литература. Т. III. Л., 1929.

Жирмунский В.М. архив — О диалектах немецких колоний в Советском Союзе. Доклад и заметки к нему, прочитанные в Берлине, Лейпциге и Марбурге во время командировки в Германию // Архив Академии наук СССР. Ленинградское отделение. Ф. 1001, оп. 1, д. № 4, л. 71.

Юхнева Н.В. 1984 — Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Л., 1984.

Berend N., Jedig H. 1991 — Deutsche Mundarten in der Sowjetunion. Geschichte der Forschung und Bibliographie. Marburg, 1991.

Hutterer C.J. 1982 — Sprachinselkunde als Prüfstand für dialektologische Arbeitsdisziplinen // Dialektologie. Ein Handbuch zur deutschen und allgemeinen Dialektforschung. Erster Halbband. B.; N.Y., 1982.

Naiditsch L. 1994 — Wortlehre — Kodemischung — Kodewechsel. Sprachinterferenzen in den Mundarten der deutschen Kolonisten bei Petersburg-Leningrad // Sprachinselkunde. Eine Gedenkschrift für Hugo Jedig. Frankfurt-am-Main, 1994.

Peters V. 1992 — Chortitzna und Molotschna. Mennonitenkolonien in Russland // Jahrbuch für ostdeutsche Volkskunde. Bd 35. Marburg, 1992.

Protze H. 1969 — Die Bedeutung von Mundart, Umgangssprache und Hochsprache in deutschen Sprachinseln unter Berücksichtigung sprachlicher Interferenz // Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe, Hf. 6—7. 1969.

Quiring J. 1928 — Die Mundart von Chortitzna in Südrussland. München, 1928.

Rosenberg P., Weydt H. 1992 — Sprache und Identität. Neues zur Sprachentwicklung der Deutschen in der Sowjetunion // Die Russlanddeutschen — Gestern und heute. Köln, 1992.

Schirmunski V. 1928 — Die deutschen Kolonien in der Ukraine. Geschichte, Mundarten, Volkslied, Volkskunde. Moskau, 1928.

Schirmunski V. 1929 — Volkskundliche Arbeit in den deutschen Kolonien der Ukraine // Вісник Одеської комісії краєзнавства при Українській Академії наук. Ч. 4—5. Секція німецька. Вип. 1. Одеса, 1929.

Ström A. 1926—1927 — Deutsche Mundarten an der Newa. I. Die Mundarten der drei ältesten Mutterkolonien im Newa-Gebiete // Teuthonista. Jg. 3. Halle / Saale, 1926—1927.

Unwerth W. von 1918 — Proben deutschrussischer Mundarten aus den Wolgakolonien und dem Gouvernement Cherson // Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Jg. 1918, philosophisch-historische Klasse, N 11, B. 1918.

Wiesinger P. 1983 — Deutsche Dialektgebiete ausserhalb des deutschen Sprachgebiets: Mittel-Südost und Osteuropa (mit einem Anhang von Heinz Kloss) // Dialektologie. Ein Handbuch zur deutschen und allgemeinen Dialektforschung. Zweiter Halbband. B.; N.Y., 1983.